

29 декабря № 151

с. 2.

О СЕМЕЙНЫХ ВЕЧЕРАХ.

Всякая идея (какъ бы она не была полезна) безъ надлежащаго обмѣна ея между членами общества—мертва, всякая бесѣда безъ руководящихъ идей—еще того хуже. Каждый человѣкъ, убѣжденный и свѣдущій, съ большимъ запасомъ оригинальныхъ мыслей (выработанныхъ имъ лично или усвоенныхъ отъ симпатичныхъ ему авторитетовъ), становится подобнымъ запертому шкафу съ массой хорошихъ книгъ, разъ только онъ чуждается общества, а бесѣдующую компанію, бесѣдующую лишь бы убить свободное время, лишь бы не сидѣть дома, лишь бы смѣнить свою домашнюю обстановку, право, можно сравнить съ лицами, переливающими воду изъ одного рѣшета въ другое. И то и другое бесполезно, послѣднее даже—скорѣе вредно.

Изолированность, замкнутость «въ себя» въ некоторыхъ болѣе или менѣе интересныхъ лицъ для умственнаго кругозора общества наблюдается все чаще и чаще. Разговоры на тему иную, чѣмъ рѣчь о домашнихъ дразгахъ, о личностяхъ за послѣднее время какъ-то плохо вяжутся, они все болѣе и болѣе замолкаютъ. Причина этому не очень ясна. Виною-ли тому, что темы, увлекавшія насъ прежде, затрепались, или люди изжили словами и притомились, право, рѣшить трудно.

Смотришь, соберется общество гдѣ либо у частнаго лица и начинается скучища непомѣрная, изрѣдка только общее молчаніе прервется чѣмъ-нибудь замѣчаніемъ по поводу нашей

«изъ рукъ вонъ» сѣрой обстановки, да такъ и загложнетъ, въ крайнемъ случаѣ услышатся нѣсколько замѣчаній по поводу его, но они до того вялы и односложны, что слѣдуетъ ихъ отнести къ соблюденію вѣжливости по адресу лица говорящаго.

Устроятъ барыни свои литературные вечера, обставятъ какъ можно лучше, подберутъ «умныя» книги и читаютъ. Ужъ, кажется, на что дѣло серьезно поставятъ—ни одного мужичиу не велятъ пускать въ свой салонъ, Васюку кота на кухнѣ къ столу привяжутъ, чтобы онъ на случай чего. Боже упаси, ихъ дамскій элементъ и мужской остракизмъ не нарушилъ—и, что же? почитаютъ, поскучаютъ, да и бросать.

Традиціонные вечера съ чтеніемъ «очень умныхъ» книгъ до того опротивѣли всѣмъ, до того они стали банальны и пустоцветны, что, право, надо что нибудь придумать иное. Когда общество ранѣе, въ былые годы, начинало умственно формироваться, крѣпнуть, подобныя бесѣды съ такой школьной обстановкой были и новы и современны, но теперь для насъ (неуспѣвшихъ молодую жизнь пожить и обратившихся въ дряблыхъ стариковъ) подобный обмѣнъ идей, такая постановка дѣла является скучнымъ анахронизмомъ, а мы въ ней—молодящимися старичками.

Соединяться для полезнаго и умнаго времяпрепровожденія въ частныхъ домахъ стало очень неудобно, въ виду одной..... очень резонной причины. Мнѣ кажется, что если я ее вамъ назову, то вы удивитесь ея оригинальности. Дѣло вотъ въ чемъ.... для хозяевъ стало очень накладно... ужъ

черезчуръ не по карману. Это вѣрно, увѣрю васъ,—правду не утаишь.

Знаменитый винтъ ввелъ въ моду послѣ своего окончанія, выпивку закуску (деликатно говорятъ «заморить червячка», хотя червячекъ бываетъ иногда съ большимъ аппетитомъ и претензіей). Оба эти элемента (выпивка и закуска) приняли такую законную и изысканную форму, что либо гости, либо хозяева (а иногда и обѣ стороны заразъ) чувствуютъ себя очень неловко, если этихъ аксессуаровъ въ наличности не обрѣтается. Наконецъ, между хозяйками появилась въ этомъ дѣлѣ нѣкоторая конкуренція, а въ общемъ получилось нѣчто очень сложное для домашнего бюджета и спокойствія.

Въ мѣстномъ клубѣ устроены семейные вечера,—затѣя эта и пріятна и полезна..... если не заполнится мусоромъ личныхъ отношеній, нетерпимостью личныхъ взглядовъ, семейныхъ касательствъ и прочею наше обыденной дребеденью, такъ сказать словесной филоксерой, подрывающе живую умственную связь отдѣльных членовъ общества.

Всякій человѣкъ всегда можетъ сказать что либо вынесенное имъ изъ наблюденія надъ нашею мѣстною жизнью,—это, во всякомъ случаѣ интересно выслушать, но онъ выскажется свободно только тогда, когда не будетъ замѣчать усиленно-раздуваемого главенства чьего-либо крайняго направленія. Дальше вытянутъ человѣка насильно на «умный» разговоръ, или говорить по заказу тоже нельзя,—человѣкъ не шарманка, въ которую вложилъ валикъ съ Габанерой изъ Карменъ, она будетъ играть Габанеру; надоѣло—вынулъ его

вложилъ валикъ съ маршемъ Бокаччіо, занимаетъ Бокаччіо. Дѣлю тутъ очень просто, но съ живымъ человѣкомъ продѣлывать такъ невозможно.

Мнѣ самому приходилось быть свидѣтелемъ такихъ сценокъ. Прп-станутъ къ какому нибудь Ивану Петровичу:

— Иванъ Петровичъ, расскажите намъ что нибудь о Чеховѣ?

Тутъ Ив. Пет. прямо опѣшить можетъ отъ внезапности. Можетъ быть онъ о Чеховѣ въ настоящій моментъ меньше всего думалъ, а слѣдовательно и говорить о немъ не расположенъ, у Ив. Петр.—ча мысль могла идти въ совершенно иномъ направленіи, съ которымъ если бы онъ познакомилъ общество, то для общества вышло бы несравненно интереснѣе, чѣмъ выжатая общія мѣста о Чеховѣ.

Я не отрицаю: есть у васъ такіе субъекты, которые, деликатно выпаливъ галантерейное «*parдон*», могутъ болтать и о Гюи де-Мопассанѣ и о философіи Канта и о музыкѣ Вагнера,—только, ей Богу, рѣчь ихъ какое-то «*мслеро*» напоминаетъ. Да ихъ и узнать не трудно: съ галантерейнымъ міросозерцаніемъ соединяется и галантерейная внѣшность. Богъ съ ними,—ихъ, наоборотъ, надо лучше умолять умно помолчать, чѣмъ говорить.

Всякая предвзятость, всякая казенщина (право, иначе нельзя назвать напередъ намѣченное желаніе вести полезные разговоры) всегда изгоняютъ живость рѣчи среди бесѣдующихъ. Посмотрите, какъ сплетни и пересуды весело охватываютъ любителей подобныхъ темъ, а почему?—Потому что человѣкъ въ нихъ уже черезъ чуръ нравственно на распашку яв-

ляется передъ слушателями. Боже меня упаси, чтобы я соглашался съ подобной свободой рѣчи, я только хочу указать, что разговоръ оживляется по мѣрѣ устраненія предвзятыхъ рамокъ, созданныхъ *извѣстными* направленіемъ, а не правилами такта и приличія.

Можно въ обществѣ и литературную вещь прочесть—прочесть увлекательно и интересно для всего слушающаго кружка, если съ только не будутъ ожидать заранѣе, или по какому «*принципу*». Охъ, ужъ эти «*принципы*»,—они точно гвозди приколотили всякое свободное міросозерцаніе и общеніе. А потому наше мнѣніе таково, что только тогда будутъ процвѣтать семейные вечера въ клубѣ (и! вездѣ), когда простота (формулированная дамами не однимъ только вязаніемъ чулка и во всякомъ случаѣ, храни Господь, *синяю*) и свобода личныхъ взглядовъ, хотя бы и разнородныхъ между собой, будутъ допущены, когда каждый будетъ убѣжденъ, что его выслушаютъ и поспорятъ съ нимъ безъ менторской замашки.

Главная цѣль тутъ должна заключаться не въ фабрикаціи новыхъ общественныхъ идей (говорятъ, что они теперь куда-то попропадали), не въ просвѣщеніи мѣстнаго общества и направленіи его на путь истины, а въ томъ, чтобы собравшіяся лица могли бы запросто подѣлиться своими личными взглядами и впечатлѣніями. Когда это будетъ такъ, то все *остальное* къ нему и приложится.

/с./ Кружиллинъ.